

Уэлш неизменно доказывает, что литература — лучший наркотик.

Spin

Его мастерство, юмор и сочувствие в сумме равняются гениальности. Уэлш — лучшее, что произошло в британской литературе за последнее десятилетие.

Ник Хорнби

Ирвин Уэлш — натуральный уникам: только он может так чудесно смешать нигилизм и мелодраму, снайперски точный реализм (особенно в плане диалекта) и самые универсальные архетипы.

Дэвид Фостер Уоллес

Уэлш — редкой злокозненности тварь, одна из самых талантливых в мировом масштабе. Его тексты — хорошая, по всем правилам сделанная беллетристика, типичная британская социальная сатира. Только вот с читателем здесь не церемонятся — спички между глаз вставляют и заставляют смотреть, как автор выскребаёт души своих героев. Смотреть, сука, сидеть, я сказал! — такая вот ироническая беллетристика.

*Лев Данилкин
(Афиша)*

Особенный талант Уэлша в том, как он умудряется найти комедию в историях о сексуальной одержимости и предательстве, наркомании и смерти. И даже самые кровавые, самые чернушные эпизоды можно отнести к категории уютного чтения.

Kirkus Reviews

Душераздирающая баллада, щедро приправленная шотландским туманом и пьяным кельтским обаянием.

The Scotsman

Постаревший Ирвин Уэлш написал легенду о хитром грешнике и глупом праведнике. Раньше Уэлш не особо обращал внимание на сюжет. Чтобы приковать читателя к роману, было достаточно шокирующих описаний будней рабочих кварталов и грубоватого юмора, а сюжетная линия едва просматривалась где-то на заднем плане. Теперь же шотландский классик решил ввести в книгу интригу...

*Константин Мильчин
(TimeOut)*

Герои Уэлша определены очень точно — это те, кто был зачат под *Clash*, а теперь отвисают под *Coldplay*. А вину за свое бессмысленное существование они сваливают на родителей — всё они, они виноваты. Спали с кем попало, жили как попало, а нам теперь разгребай.

Коммерсантъ Weekly

Уэлш снова мастерски играет на нашей любви к запретным плодам, и чем запретнее, тем лучше.

The Times

Проза снайперски точная, отточенная до остроты бритвенного лезвия.

List

Адреналиновая волна подхватывает читателя на первой же странице и несет, не отпуская.

Independent on Sunday

Главной ценностью романов Ирвина Уэлша являются не лихо закрученные сюжетные линии (хотя они, несомненно, хороши), а язык самого автора и язык его персонажей. Язык уэлшевских романов сотрясает своей развязностью, но в то же время он искренен и точен. Он как бы схватывает те наши мысли, которые ушли в подполье, не желая находиться в одном помещении с нашими же обычными суждениями и умозаключениями.

Культура. Свежая газета

Ирвин Уэлш превращает язык своего детства в средство создания фантастического мира, выходящего далеко за пределы окрестностей Эдинбурга, и маркирует им территорию, не просто ограниченную рамками определенного региона, но лежащую вообще за пределами буржуазной нормы. Язык у Уэлша порой важнее содержания текста. Следует отметить, что сам Уэлш весьма далек от воспевания того, что описывает; даже при передаче речи своих персонажей он все время сохраняет ироническую дистанцию. Герои Уэлша (по крайней мере те, которых он любит) страстно ищут выхода за пределы своего универсума. А когда его находят, оказывается, что нужная дверь возвращает тебя в ту точку, откуда ты начинал.

Илья Кормильцев
(Иностранная литература)

С литературной точки зрения Уэлш достаточно прост. Его произведения обычно написаны от первого лица с обильным использованием сленга, жаргона и диалектизмов — характерный пример того, что русские формалисты называли словом «сказ». Это влечет за собой сложности и для переводчика, и для читателя, но должно — по мысли поклонников — гарантировать аутентичность и подлинность высказывания. Сказовая манера у Уэлша дополнена нехитрой монтажной техникой, позволяющей ему избежать простого линейного повествования (особенно это заметно в «Кошмарах Аиста Марабу»). Впрочем, в 1990-е годы и то и другое давно уже не в новинку. Вероятно, наиболее близким Уэлшу классиком XX века будет Луи Фердинанд Селин с его жаргонизмами, натурализмом и экспрессией, сочетающимися с мизантропией и презрением к человечеству. Достоинством выбранного стиля служит то, что он позволяет избежать нравоучения: Уэлш, так же как и Селин, может позволить себе не оценивать своих героев, отказавшись от роли непогрешимого автора.

Критика называет его «постмодернистским Роальдом Далем», однако сам он решительно разрывает с традициями нарочитой интеллектуальности и интеллектуальной усложненности: «Для того чтобы делать то, что я делаю, мне не требуются отсылки к другим книгам — я подпитываюсь своей собственной культурой. Я стараюсь использовать современную культуру: такую как видео/музыку/эйсид-хаус, различные переживания — все то, что происходит вокруг. Вероятно, поэтому мои книги рассчитаны скорее на эмоциональное, а не на интеллектуальное восприятие. Если я захочу философии, то я обращусь к философам, а не к романистам».

Разумеется, приведенная цитата не значит, что Уэлш, как герой известного анекдота, «не читатель, а писатель», — он не оспаривает того, что Чарльз Буковски или Уильям Берроуз родственны ему. Речь идет только о том, что при создании своих произведений он отказывается ориентироваться на тексты, а ориентируется на жизнь. Конечно, в высказываниях Уэлша при желании нетрудно увидеть постмодернистский же вызов традиции литературоцентризма и ориентацию на современную аудиовизуальную культуру... Впрочем, легко заметить, что за его словами стоит типично модернистская уверенность в том, что эмоцию возможно передать литературными средствами. Самое удивительное, что в своих лучших произведениях Уэлшу это действительно удается.

Сергей Кузнецов
(Иностранная литература)

Ирвин Уэлш — ключевая фигура английской «антилитературы». Проза Уэлша — один из тех редких случаев в серьезной прозе, когда разговоры о жанре, направлении, идеологии и подтекстах почти никак не влияют на прочтение. Это пример чисто экзистенциального письма, прямая трансляция происходящего. Недаром сам Уэлш как-то сказал, что его книги рассчитаны на эмоциональное, а не на интеллектуальное восприятие. Место действия здесь — неуютное пространство между смертью от передозировки, этическим экстремизмом и измененными состояниями сознания. Персонажи говорят на аутентичном эдинбургском диалекте с обильной примесью мата и экзотического сленга. Естественная интонация не оставляет места никаким литературным условностям. В сумме все это производит впечатление стилистического открытия.

Gazeta.ru

Ирвин Уэлш — неоспоримый лидер в новой волне современной британской словесности.

Observer

Читать Уэлша — все равно что смотреть Тарантино: адреналин зашкаливает.

The Spectator

Уэлш наводняет мировой эфир восхитительной какофонией голосов — печальных и смехотворных, агрессивных и раскаивающихся...

Scotland on Sunday

Самое прекрасное во вдохновении — то, что никто, кроме тебя, не знает его настоящего источника. Иногда не знаешь и сам. Бывает, пытаешься провести четкую линию между явлениями, которые легли в основу книги, и не можешь. Так что лично я оставляю эту работу подсознанию.

Ирвин Уэлш

Пролог

ОНА ПРИШЛА ТАНЦЕВАТЬ

20 января 1980 года

— Блядь, ну это же *Clash!* — кричала зеленоволосая девчонка в бетонные глаза вышибалы.

— Ага, — отвечал вышибала, толкая ее обратно к сиденью. — А это кинотеатр.

Это действительно был кинотеатр, уважаемый «Одеон», и охрана всерьез намеревалась пресечь любые танцы. Но когда местная группа *Joseph K* отыграла первое отделение и на сцене появился во всей красе гвоздь программы с оглушительным хитом «*Clash City Rockers*»¹, весь зал как один человек ломанулся вперед. Зеленоволосая девчонка воспользовалась смутой и вновь полезла к сцене. Охрана еще какое-то время пыталась бороться с приливом, но вынуждена была капитулировать — где-то в середине программы, между песнями «*I Fought the Law*»² и «*(White Man) in Hammersmith Palais*»³.

Толпа растворилась в пульсирующем шуме: передние самозабвенно прыгали на пяточке перед сценой, задние взбирались на сиденья и тоже прыгали. Зеленоволосая девчонка оказалась ближе всех. И скакала, казалось, выше всех. А может, виноваты были зеленые волосы, вздымающиеся в стробоскопическом свете, как изумрудное пламя. Некоторые — их было немного — плевали в музыкантов, и девчон-

¹ «„Клэш“ — городские буяны» (англ.).

² «Я сражался с законом» (англ.).

³ «Белый в Хаммерсмит-Пале» (англ.).

ка кричала, чтобы они прекратили: кумир недавно перенес гепатит.

До этого она нечасто бывала в «Одеоне», последний раз — когда показывали «Апокалипсис»; но такого бедлама кинотеатр еще не видел, она могла поклясться. Ее подружка Тина танцевала рядом, в двух шагах, — из девушек лишь они ухитрились подобраться к сцене так близко, что практически чувствовали запах музыкантов.

Прикончив пластиковую бутылку из-под «Айрн-брю», наполненную смесью пива с сидром — «змеиный укус», чумовая вещь! — зеленоволосая девушка смяла ее и бросила под ноги, на липкий ковер. В мозгу шипели веселые пузырьки, алкоголь работал в паре с сульфатом амфетамина: девушка выкрикивала строчки песен, входила в транс, улетала в места, где можно забыть те слова, что он сегодня сказал...

Они как раз закончили заниматься любовью, и он как-то притих, отдалился; лишь слегка подрагивало распростертое на матрасе тщедушное тело.

— В чем дело, Донни? Что случилось?

— Да капец... — произнес он беспомощно.

— Не будь дурачком, — улыбнулась она, — все замечательно, сегодня идем на «Клэш», сто лет этого ждали...

Он повернулся: в глазах блестела вода, как у ребенка, — ее первый и единственный любовник, — и объявил, что трахался с другой девчонкой. Здесь, на этом самом матрасе, где они спали каждую ночь. Где только что занимались любовью.

— Это ничего не значит, просто глупость, — бормотал он, паникуя, угадывая истинные масштабы своего проступка по глубине ее реакции.

Он был еще молод, еще только нащупывал границы допустимого, по мере того как пополнялся его эмоциональный словарь — прямо на глазах и все равно слишком медленно. Он лишь хотел открыться, хотел быть честным...

Девчонка видела, как шевелятся его губы, но почти не слышала слов. Вскочив с матраса, она поспешно оделась,

достала из кармана один из билетов — и порвала на куски у него перед носом. А затем отправилась в «Южный бар», чтобы встретиться с остальными, как и было договорено, и пойти на концерт, в кинотеатр «Одеон», потому что величайшая рок-группа всех времен и народов гастролировала в ее городе, и она их сегодня увидит, а он пропустит, — и хоть так восторжествует справедливость.

Когда группа запела «Complete Control», высокий парень, что скакал рядом, — короткая темная стрижка, джинсы, кожаная куртка и мохеровый свитер — начал кричать ей в ухо. Девчонка не разобрала ни слова, но это не имело значения, потому что в следующую секунду ее губы уже гуляли по его лицу, а он обнимал ее за талию, и это было чертовски приятно.

Музыкантов повторно вызвали на бис. Они начали с довольно малоизвестного номера «Revolution Rock»¹, а закончили убойным «London's Burning»², переделанным на «Edinburgh's Burning»³. Девчонка тоже вся горела: метамфетамин плавил мозг, заставлял его пульсировать на холодном ветру, когда они вышли из кинотеатра. Парень собирался на вечеринку в Кэнонгейт и пригласил ее с собой; она согласилась. Лишь бы не домой! И пусть кое-кто увидит, что она тоже умеет играть в эти игры.

Они шли пешком, ночь была холодной. Парень болтал не умолкая: очевидно, зеленая грива его здорово завела. Он рассказывал, что этот район раньше назывался Маленькой Ирландией, потому что его основали ирландские иммигранты. Здесь, на этих улицах, знаменитые душегубы Берк и Хэйр убивали нищих и бомжей, а трупы продавали врачам для анатомических опытов. Девчонка глядела ему в лицо — мужественные черты и нежные, почти женские глаза. Экскурсия продолжалась. Парень показывал на церковь Свя-

¹ «Революционный рок» (англ.).

² «Лондон в огне» (англ.).

³ «Эдинбург в огне» (англ.).

той Марии и объяснял, что в этих стенах, за много лет до «Селтика» в Глазго, эдинбургские ирландцы организовали первый футбольный клуб. Возбужденно кивнув в сторону улицы, где родился великий революционер Джеймс Конноли, он рассказал о пасхальном дублинском восстании 1916 года, апофеозом которого явилось освобождение Ирландии от ига британского империализма.

Парень особо подчеркнул, что Конноли был социалистом, а вовсе не националистом. В этом городе никто не знает своих корней, вздыхал он, люди слепо верят в то, что им навязывают.

Но девчонку не интересовали экскурсии в историю, ее голова была занята другим. Этот красавчик должен был стать ее любовником — вторым за вечер. А на исходе ночи будет еще и третий.

I. РЕЦЕПТЫ

1

АЛЬКОВНЫЕ СЕКРЕТЫ

16 декабря 2003 года

Дэнни Скиннер встал первым — надоело ворочаться. Уснуть так и не удалось. Плохой знак. Обычно он проваливался в тяжелое забытие сразу после любовных утех... Нет, не так. Он улыбнулся и перефразировал: сразу после секса. Кей Баллантайн безмятежно спала, блестящие черные волосы рассыпались по подушке, на губах еще остался характерный изгиб того наслаждения, что он ей доставил. У Скиннера в груди распустился бутон нежности.

— Любовные утехы, — шепнул он и поцеловал девушку в лоб — аккуратно, чтобы не царапнуть щетиной, взошедшей на остром длинном подбородке.

Запахнув зеленый шотландский халат, Скиннер потрогал золоченую вышивку на кармане. Арфа и цифры «1875» — эмблема футбольного клуба «Хиберниан». Подарок Кей на прошлое Рождество. Тогда они только начали встречаться, этот жест о многом говорил. А что подарил ей он? Уже не вспомнить. Кажется, танцевальное трико.

Скиннер прошел на кухню и достал из холодильника банку «Стеллы Артуа». Открыв пиво, он переместился в гостиную, вызволил из чрева софы пульт и включил телевизор, программу «Секреты шеф-поваров». Шоу пользовалось популярностью, шел второй сезон. Ведущий, известный кулинар, разъезжал по Британии и устраивал показательные выступления местных поваров, а победителя определяло

АЛЬКОВНЫЕ СЕКРЕТЫ ШЕФ-ПОВАРОВ

жюри, состоявшее из разновеликих звезд и профессиональных критиков-гурманов.

Но последнее слово неизменно оставалось за ведущим, прославленным маэстро кулинарных дел Аланом де Фретэ, что наделал много шума, опубликовав книгу под названием «Альковные секреты шеф-поваров». На страницах этого фривольно-поваренного фолианта всемирно известные кулинары рассказывали о своих амурных похождениях, сопровождая сальные байки рецептами блюд, при помощи которых им удалось добиться заветного «да». Книга быстро сделалась сенсацией и на протяжении нескольких недель возглавляла список бестселлеров.

Для сегодняшней передачи де Фретэ и его съемочная бригада облюбовали большой отель в Роял-Дисайд. Знаменитый телеповар был жирен, напыщен и агрессивен: местный поварешкин, старательный юноша, явно не чувствовал себя хозяином на собственной кухне.

Потягивая пиво, Дэнни Скиннер наблюдал за бегающими глазами и оборонительными ужимками бедного новичка — и с гордостью вспоминал, как пару раз на собственной шкуре испытал (и с честью выдержал) напор нахрапистого тирана. Теперь оставалось только подождать, посмотреть, дадут ли ход его последнему отчету.

— Кухня должна свер-кать, свер-кать! — выговаривал де Фретэ, шутливо шлепая юного повара нарукавником по макушке.

Бедняга безропотно терпел, ошалев от камер, от важности момента, от размеров грозного суперповара, который его всячески шпынял и низводил до роли жалкой марионетки.

Со мной бы такой номер не прошел, думал Скиннер, поднося к губам пиво. Банка была уже пуста, но в холодильнике еще остались запасы.

2

КУХОННЫЕ СЕКРЕТЫ

— У де Фретэ не кухня, а помойка. Сраная помойка!

Молодой человек с бледным лицом стоял на своем. Его наряд — безупречный коктейль от ведущих модельеров — не то что намекал, а просто кричал об идеалах, выходящих далеко за рамки офиса и зарплаты. При внушительном росте метр восемьдесят восемь Дэнни Скиннер казался еще выше — прежде всего благодаря черным пронзительным глазам, сверкавшим под столь же черными червеобразными бровями. Волнистые волосы цвета воронова крыла, расчесанные на пробор, придавали ему хулиганский и отчасти самоуверенный вид, усугубленный угловатыми скулами, а характерный изгиб тонких губ выглядел легкомысленным даже в самые хмурые минуты.

Его собеседнику, коренастому мужчине, было уже хорошо за сорок: румяное квадратное лицо, покрытое возрастными веснушками, янтарно-рыжие, зализанные на затылок волосы, легкая седина на висках. Боб Фой не привык к такому отпору. Его бровь скептически изогнулась — однако в этой гримасе и в общем выражении обрюзгшего лица сквозил интерес, даже нечто похожее на восхищение, и воодушевленный Дэнни Скиннер продолжал:

— Я просто исполняю свой долг. Кухня этого толстяка — позор!

Дэнни Скиннер всего три года работал инспектором санитарно-эпидемиологического контроля при городской администрации Эдинбурга, а прежде был стажером в том же

департаменте, и начальник Боб Фой имел все основания считать его новичком.

— Сынок, ты понимаешь, о ком мы говорим? Алан де Фретэ! — хрюкнул он.

Разговор происходил в просторном офисе, разгороженном, словно конюшня, на маленькие клетушки. Свет струился сквозь большие окна, выходящие на оживленную улицу Роял-Майл, — даже двойные стекла не могли заглушить шума машин. Вдоль противоположной стены выстроились старомодные картотечные шкафы серой жести, доставшиеся в наследство от предыдущих поколений бюрократов, а рядом — копировальный агрегат, который чаще ремонтировали, чем использовали по назначению. В углу пряталась вечно грязная раковина; с ней соседствовали холодильник и стол с отслоившимся шпоном; на столе скучали чайник, заварник и кофейник. Лестница в глубине комнаты вела в соседнюю секцию, к залу заседаний, по пути заглядывая на промежуточный этаж, где скромно разместились еще два мелких офиса.

Скиннер украдкой оглядывал меланхоличные лица сослужащих. Фой тем временем швырнул папку с его отчетом, продукт скрупулезного труда, на разделявший их стол. Освальд Айткен и Колин Макги смотрели куда угодно, только не на Скиннера с начальником. Макги, парень из Глазго, присадистый шатен в тесноватом костюме, делал вид, что изучает громоздящуюся перед ним гору бумаг. Айткен, изможденный дылда с жидкими соломенными волосами и морщинистым, буквально страдальческим лицом, бросил на Скиннера неприязненный взгляд — он видел перед собой молодого выскочку с беспокойными глазами, за которыми пряталась столь же беспокойная душа, постоянно борющаяся с демонами. От таких людей одни неприятности, думал Айткен. До пенсии оставались считанные дни, и вмешиваться он не собирался.

Поняв, что поддержки ждать не приходится, Скиннер решил разрядить обстановку:

— Про сырость на кухне я вообще молчу. Там лосось в мышеловке! Да еще и с астмой. Я уже хотел в Общество защиты животных звонить.

Айткен сморщился, словно проповедник, у которого в церкви испортили воздух. Макги испустил короткий смешок. Фой сохранил невозмутимость: переместил взгляд со Скиннера на лацкан собственного пиджака, смахнул перхоть, подумал о том, что делается на плечах... Надо напомнить Амелии, чтобы купила другой шампунь.

Его глаза снова уперлись в лицо Скиннера. Хорошо знакомый, испытующий взгляд: так смотрят не только начальники, но и все, кто пытается заглянуть за фасад, понять, что у тебя на уме. Скиннер мужественно выдержал испытание. Фой повернулся и кивнул — Айткен с Макги поняли намек и поспешно удалились.

Фой уставился на бунтовщика с удвоенным остервенением:

— Что, опять нажрался?

Скиннер оцетинился, инстинкт подсказал, что нападение — лучшая защита. Его глаза вспыхнули яростью.

— Вы с ума сошли? Какого вообще хрена?!

Фой, не ожидавший отпора, умерил пыл.

— Ну ладно, не кипятись. Я хотел сказать... За обедом, — он перешел на доверительный тон, — наверняка ведь пропустил стаканчик? Пятница же.

Фой и сам — на правах начальника — любил поддаться по пятницам и даже на работе после обеда обычно не появлялся, но сегодня было исключение: он демонстративно расхаживал по офису и всюду совал нос, чтобы подчиненные могли удостовериться, какой он трезвый и деловой.

Скиннер тоже сбавил обороты — и сознался:

— Два лагеря, подумаешь...

Фой развил мысль:

— Ты это... надеюсь, на кухне у де Фретэ от тебя перегастром не воняло? Они, повара, чуткие до таких вещей. Привыкли подручных обнюхивать.

— Что вы, Боб! Я его инспектировал во вторник утром, — ответил Скиннер и подчеркнул: — Вы же знаете, я подшофе на выезде не работаю. Сегодня просто бумажный день, никаких проверок, ну я и расслабился, выпил пару кружек. — Он зевнул. — Признаюсь, вторая была лишней. Но ничего, чашка кофе все исправит.

Фой взял со стола папку с отчетом.

— Пойми, приятель, де Фретэ местная знаменитость, «Le Petit Jardin»¹ — его лучший ресторан. Две звездочки в справочнике Мишлена — это тебе не жуки-пуки! Подумай: кто еще в Англии может похвастаться?

Дэнни Скиннер задумался было о звездочках, потом решил, что ему наплевать.

Я санитарный инспектор, а не фанат сраного повара!..

Он промолчал.

Фой обошел вокруг стола, положил ему руку на плечо. В росте он сильно уступал своему подчиненному, но был здоров как бык, могучее тело только начинало дряхлеть. Скиннер ощутил тяжелую мощь обнявшей его руки.

— Я сам к нему зайду, поговорю по-приятельски, — сообщил Фой. — Попрошу прибраться на кухне.

Скиннер почувствовал, как нижняя губа выпячивается и кривится — неизбежная реакция на унижение. Он же исполнил свой долг, сказал правду!.. Ну, ничего не поделаешь. Скиннер не был ребенком, понимал толк в политике — все равны, но некоторые равнее, — и горькие слова о том, что какому-нибудь иммигранту из Бангладеш, разведи он на кухне такой же срач, не дали бы и яйца сварить в этом городе, застряли у него в горле.

— Конечно, шеф.

Если начистоту, Скиннер и впрямь слегка сгустил краску в отчете. Де Фретэ был ему остро неприятен, хотя и вызывал странное любопытство. Книга толстяка под названием «Альковные секреты шеф-поваров», тайно и постыдно

¹ «Маленький садик» (фр.).

купленная в обеденный перерыв, лежала у него в портфеле, а первые абзацы пафосного предисловия до сих пор звучали в голове.

Мудрецы издавна знали, что простейшие вопросы исполнены глубочайшего смысла. Каждого проходящего ко мне студента я спрашиваю об одном: кто такой шеф-повар? И всякий раз молодежь удивляет меня своими ответами, и я на шаг приближаюсь к кулинарному совершенству, в основе которого лежит эта жгучая загадка.

Итак, кто такой шеф-повар?

Конечно же, он мастер. Упрямый ремесленник, гордящийся результатами своего тяжелого и зачастую монотонного труда. Конечно же, он ученый. Но не просто химик, а скорее алхимик, колдун, вдохновенный художник, чьи волшебные составы, питая тело и услаждая чувства, побуждают душу расправить крылья и устремиться в полет, к неземным высотам.

Материальным средством передвижения в этом полете является пища, не больше и не меньше, а траектория пролетает через наши органы восприятия. Именно поэтому я всякий раз объявляю изумленным студентам — а сейчас и вам, дорогие читатели, — что истинный шеф-повар есть не кто иной, как безнадежный и законченный сластолюбец.

Он просто гребаный повар, вот и все! Непонятно, чего тут выпендриваться. Надо же такое придумать: справочник сексуальных рецептов! Жирный боров! Все это чушь собачья, мерзкий хряк уже много лет свой член без зеркала не видел. А истощенные богемные импотенты ему верят, покупают гребаные бредни, и боров жиреет, богатеет, задирает нос... А я ничем не лучше: ношу в портфеле его блядскую книжку!

Заметив, что Дэнни покраснел, Фой на всякий случай убрал руку.

— Сейчас такое время, Дэнни, мы не можем раскачивать лодку. Так что, пожалуйста, никаких баек в кулуарах о том, какая грязная кухня у нашего друга де Фретэ!

— Не вопрос, шеф! — ответил Скиннер, с восторгом предвкушая, как сегодня же в баре все желающие узнают правду.

— Вот это по-нашему, Дэнни! Ты хороший инспектор, нам такие нужны. Ты ведь знаешь, нам сократили штат до пяти человек. — Фой сокрушенно покачал головой, затем ободряюще улыбнулся. — Завтра, кстати, выходит новичок, который перевелся из округа Файф.

— Что вы говорите! — Скиннер поднял брови, невольно подражая шефу.

— Точно. Брайан Кибби. Вроде нормальный парень.

— Здо́рово, — рассеянно ответил Скиннер, думая о предстоящих выходных. Сегодня он точно заложит за воротник: четыре выпитые за обедом кружки только разожгли жажду. Пятница — последний шанс, ведь субботу и воскресенье, за исключением завтрашнего футбола, надо провести с Кей...

У каждого эдинбургца есть свои соображения насчет того, где кончается его город и начинается Порт-Лит. Одна из официальных версий утверждает, что граница проходит по залу «Пограничного» бара в Пилриге, другая привязывается к почтовому индексу И-Эйч-6. У Скиннера была своя теория. Он считал, что Лит начинается там, где сбегаящая с холма пешеходная улица выравнивается под ногами, — удивительное ощущение, будто ты звездолет, вернувшийся из долгого странствия по иным мирам. Точка эта находилась где-то в районе бара «Бол фор».

По пути домой Скиннер решил зайти к матери — она жила через дорогу от своей парикмахерской, в мощенном бульжником переулке, что ответвлялся от Джанкшн-стрит. Дэнни здесь вырос и провел практически всю жизнь, а переехал только прошлым летом. Он много лет мечтал жить отдельно, но, когда мечта осуществилась, неожиданно для себя начал нестерпимо скучать по старому дому.

Старушка, видно, только пришла со смены, лосьоном для завивки так и шибает. Я уже и забыл, насколько въедлив этот запах, может весь дом пропитать. На руке у нее знако-

мая татуировка — кустарный рисунок индейскими чернилами. Она и попытки не делает его спрятать, даже на работе. И клиентов не стесняется. Клиенты, конечно, тоже своеобразные, не то что в ресторане у жирного борова де Фретэ.

Все мое детство прошло в этой парикмахерской. Каждая старая пампушка, что здесь стриглась, была мне суррогатной тетушкой. Меня размазывали по пышным грудям, как драгоценный бальзам: бедный малютка, растет без папочки... Старый добрый солнечный Лит! Ни одно место не привлечет своих сироток так заботливо, как порт.

Электрокамин с декоративными углями честно пытается согреть комнату, но жирный котяра, голубой перс, развалился перед решеткой на коврике и поглощает все тепло, эгоист хренов. Этот камин, облицованный в стиле ар-деко, задуман как центр интерьера. Правда, сейчас его отодвинула на второй план огромная рождественская елка. На стене над камином висит в рамочке обложка альбома *Clash «London Calling»*¹, на которой фломастером написано:

*Бeverли, королеве эдинбургских панков,
Любовь и чмоки.
Джо Эс, 20/01/80.*

Старушка мнит себя великим знатоком человеческой природы. Думает, что работа научила ее читать людские души, как объявления в журнале «Хелло!». Когда клиент садится в кресло и объясняет, что хотел бы сделать со своими патлами — сухими, жирными, редкими или густыми, — она смотрит ему в глаза и спрашивает: «Уверены?» Клиент начинает нервно ерзать и предлагать другие варианты, а она слушает, щурится — и наконец кивает: «Да, лучше так». И быстренько исполняет задумку, приговаривая: «Вот смотрите, как хорошо! Очень вам идет». Все неизменно довольны. И клиент становится постоянным. А старушка хвалится: «Я этих зайцев знаю как облупленных! Они сами себя так не знают».

¹ «Лондон зовет» (англ.).

Ее единственному сынку-безотцовщине, однако, такой подход не по вкусу. Вот он я, полюбуйтесь, — развалился на кушетке с пультом в руке. Переключаю телевизор на программу «Шотландия сегодня». Мать сидит напротив в кресле и заводит свою шарманку.

— Ну что, — говорит она, сузив глаза за огромными очками, — страховку-то всю пропил?

Старушка продолжает набирать килограммы. Она и так коротышка, а тут еще лицо расплылось. И вдобавок — любовь к черному цвету. Никаких визуальных препятствий на пути возрастного ожирения.

— Нечестно, ага, — отвечаю я рассеянно.

В программу вклинивается спортивная хроника, Дерек Риордан заколачивает мяч в сетку.

— Ну и букмекеры внакладе не остались, — добавляю я.

Старушка, верно, шутит! Она не может не знать, во сколько влетел начальный взнос за квартиру. Может, напомнить ей, что за аварию я получил пятнадцать, а не сто пятьдесят?

— Значит, просадил свои денежки? — Она ерошит малиновую шевелюру.

Я не собираюсь с ней дискутировать.

— Как там говорил великий футболист? «Половину потратил на ипподром, женщин и выпивку. Остальное просадил».

— Ну что ж... — Старушка фыркает, встает и подбочивается, невольно подражая басисту Жан-Жаку Бернелу с плаката *Stranglers* у нее за спиной. — Надеюсь, чаю со мной выпьешь?

Не такой уж это гастрономический подарок, как она воображает.

— А из еды?

— Колбаски.

Ах, держите меня пятеро!

— Свиные или говяжьи?

Старушка смахивает с лица очки — на переносице остаются углубления винного цвета — и пытается сфокусировать взгляд, как будто спросонья.

— Ты остаешься на чай или нет? — Она возит очками по блузке, протирая стекла.

— Н-ну... Остаюсь.

— Только не делай мне одолжений, Дэнни!

Она дышит на очки, снова протирает. Водружает на нос. Разворачивается, уходит на кухню, начинает возиться в холодильнике.

Я тоже встаю, перемещаюсь на кухню, облакачиваюсь на разделочную стойку.

— Может, мне отнести деньги на товарную биржу? Вложиться во что-нибудь долговечное. — Я дотрагиваюсь до ее татуировки. — Например, в индийскую тушь.

Она отдергивает руку, сверкает глазами сквозь очки:

— Нечего шутить! И нечего думать, что будешь всю жизнь из меня соки тянуть. У тебя хорошая работа, вполне можешь расплатиться с долгами.

Ну вот, каждый раз она сует мне в лицо гребаные долги! Старушка до сих пор считает себя королевой панков, а сама, по сути, бизнесвумен до мозга костей.

Содержание

Пролог. Она пришла танцевать. *20 января 1980 года* 9

I. РЕЦЕПТЫ

1. Альковные секреты. <i>16 декабря 2003 года</i>	15
2. Кухонные секреты	17
3. Отдых на природе	26
4. Курорт Скегнесс	34
5. Компенсация	45
6. Маленькая Франция	58
7. Рождество	63
8. Праздники	76
9. Новый год	83
10. Секс и смерть	87
11. Похороны	99
12. Таверна «Архангел»	106
13. Весна	125
14. Доклад	138

II. КУХНЯ

15. Загадочный вирус	153
16. «Стар-Трек»	166
17. Собеседование	184
18. Бар «У Рика»	192
19. «Придурки из Хаззарда»	211
20. Черные пометки	224
21. Маффи	227
22. Бирмингем и Балеарские острова	244

СОДЕРЖАНИЕ

23. Высокая планка	249
24. Взаперти	262
25. Мясной город	267

III. ВЫХОД

26. Хирург	275
27. Погружение	279
28. Общество анонимных алкоголиков	282
29. Авеню Ван-Несс	298
30. Гомики	303
31. Занятия спортом	306
32. Вытащили	311

IV. ОБЕД

33. Осень	323
34. Шок и трепет	332
35. Пизанская башня	336
36. «Старички»	348
37. Между первой и второй	355
38. «Меломан»	373
39. Аляска	380
40. Выносливость	393
41. Крушение поезда	401
42. Дневник	414
43. Лит зовет	422
44. Один на пристани	428
45. Письмо из Америки	439
46. Шашлык	440
Послесловие	443
От переводчика	444